

Рудольф Штейнер

Четыре Драмы-Мистерии

GA 014

В Р А Т А П О С В Я Щ Е Н И Я

(ИНИЦИАЦИЯ)
РОЗЕНКРЕЙЦЕРСКАЯ МИСТЕРИЯ

Перевод с нем. Н.Н. Белоцветова
редакция перевода А.А. Демидова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

а) ПРОЛОГ И ИНТЕРМЕДИЯ

София.

Эстелла.

Двое детей.

б) МИСТЕРИЯ

Иоанн Томазий.

Мария.

Бенедикт.

Феодосий, прообраз которого раскрывается в действии как Дух любви.

Роман, прообраз которого раскрывается в действии как Дух творческой силы.

Ретард, действует только как Дух.

Герман, прообраз которого раскрывается в действии как Дух мозга земли.

Елена, прообраз которой раскрывается в действии как Люцифер.

Филия, Астрид, Луна - подруги Марии, прообразы которых раскрываются в действии как Духи душевных сил Марии.

Профессор Капезий.

Доктор Штрадер.

Феликс Бальде, раскрывающийся как носитель Духа природы.

Фелиция Бальде.

Другая Мария, прообраз которой раскрывается в действии как Душа любви.

Теодора, ясновидящая.

Ариман, проявляется только как Душа.

Дух Элементов, действует только как Дух.

Ребенок, прообраз которого раскрывается в действии как молодая Душа.

СОДЕРЖАНИЕ

[ПРОЛОГ](#)

[КАРТИНА ПЕРВАЯ](#)

[КАРТИНА ВТОРАЯ](#)

[КАРТИНА ТРЕТЬЯ](#)

[КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ](#)

[КАРТИНА ПЯТАЯ](#)

[КАРТИНА ШЕСТАЯ](#)

[КАРТИНА СЕДЬМАЯ](#)

[ИНТЕРМЕДИЯ](#)

[КАРТИНА ВОСЬМАЯ](#)

[КАРТИНА ДЕВЯТАЯ](#)

[КАРТИНА ДЕСЯТАЯ](#)

[КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ](#)

Комната Софии в желтовато-красноватых тонах. София со своими двумя детьми: мальчиком и девочкой. Затем Эстелла.

Дети поют под аккомпанемент Софии

Блестит и светит солнце,
Сияя в далях,
Щебечут звонко птицы
В воздушных струях,
Растенья расцветают
Земле на радость,
И с благодарным чувством
Людские души
Восходят к Духам миров.

София.

А теперь, дети, идите в свою комнату и подумайте о словах, которые мы сейчас разучивали.

(София выводит детей. Входит Эстелла.)

Эстелла.

София, дорогая, здравствуй! Ведь я тебе не помешала?

София.

Нет, милая Эстелла! От всего сердца радуюсь тебе.

Эстелла.

Хорошие ли вести от мужа?

София.

О да! Он пишет, что конгресс психологов очень интересен, хотя и мало убедителен для него способ обсуждения ряда вопросов. Все же ему, как психологу, особенно интересно наблюдать, как из-за духовной близорукости люди сами себя лишают возможности приподнять завесу тайны.

Эстелла.

Ведь, кажется, и он собирался сделать какой-то важный доклад? Не так ли?

София.

Да! Доклад на тему, очень важную для нас обоих. Но, учитывая научные взгляды участников конгресса, он не надеется на успешность своего выступления.

Эстелла.

У меня к тебе просьба, милая София! Не проведем ли мы этот вечер вдвоем? Сегодня ставят "Обездоленные душой и телом", и ты меня очень обрадуешь, если пойдешь со мной на этот спектакль.

София.

Ты забыла, милая Эстелла, что именно сегодня в нашем обществе ставится спектакль, к которому мы уже давно готовились.

Эстелла.

В самом деле! Я и позабыла! А так приятно было бы провести этот вечер вместе! Я так радовалась возможности заглянуть с тобой в тайники современности, но, по-видимому, столь чуждый мне мир твоих идей порвет и последние нити нашей прекрасной, еще со школьной скамьи, дружбы.

София.

Ты мне уже много раз это повторяла, но всегда соглашалась со мной, что наши разногласия отнюдь не ослабляют уз, соединяющих нас уже столько лет.

Эстелла.

Правда, я это часто говорила. И я всегда смотрю с горечью, как с каждым годом ты все больше отдаляешься от всего, что представляется мне ценным.

София.

Вот тогда-то мы и будем ценить друг друга по-настоящему, когда взаимно примиримся с различием наших взглядов и характеров.

Эстелла.

Часто признаю я твою правоту, но, все-таки, что-то во мне восстает против такого взгляда на жизнь.

София.

Но согласишься же хоть раз всерьез, что, говоря так, ты предъявляешь ко мне требование отречься от своей сущности.

Эстелла.

Я примирилась бы со всем, кроме одного. Я легко допускаю, что люди различных мировоззрений могут симпатизировать друг другу. Но твои идеи как бы обязывают самовозвеличиваться за счет других, тогда как, обычно, люди разных убеждений все же допускают равноправность своих различных точек зрения. Твое же мировоззрение противопоставляет себя всем остальным, как глубочайшее; во всех других мировоззрениях оно видит лишь низшую ступень человеческого развития.

София.

Но из наших частых бесед ты знаешь, что мои единомышленники, в конечном счете, оценивают человека совсем не по его убеждениям или знаниям. Если мы и считаем, что без наших идей жизнь лишается реальной основы, то все же стараемся со всей доступной нам серьезностью не возвеличивать человека только потому, что он разделяет наше мировоззрение.

Эстелла.

Красиво сказано! Однако мое раздражение не рассеивается, так как мне-то ясно, что твое мировоззрение, хоть и притязает на глубину, но неминуемо приводит к поверхностности. Я слишком люблю тебя, как друга, чтобы обращать твое внимание на тех твоих единомышленников, которые, исповедуя ваши идеи, проявляют духовное высокомерие самого дурного тона, хотя их собственное поведение пусто и банально. Не следовало бы говорить с тобой о том, насколько бесчувственны и тупы по отношению к людям некоторые из ваших последователей. Ведь твоя большая душа никогда не уклонялась от выполнения тех требований, какие повседневная жизнь предъявляет к нравственному человеку. Но самый факт, что ты не идешь со мной туда, где раскрывается подлинно художественная жизнь, убеждает меня, что, уж ты меня прости, ваши идеи все же приводят к поверхностности.

София.

А в чем эта поверхностность?

Эстелла.

Ведь ты меня знаешь давно и знаешь, с каким трудом я вырвалась из условий жизни, насыщенной каждодневным выполнением лишь того, что обусловлено происхождением и банальными предрассудками. Я стремилась понять, почему на долю такого множества людей выпадает будто незаслуженное страдание. Я стремилась близко подойти и к низинам, и к высотам жизни. Углублялась я, поскольку это было доступно, и в науку, чтобы разрешить свои сомнения. И только теперь, наконец, я нашла основу, на которой можно утвердиться: я поняла, что такое подлинное искусство, и, мне кажется, я знаю, как оно проникает в сущность

жизни и живописует высшую реальность. Мне представляется, что, отдаваясь искусству, я слышу пульс эпохи. И мне даже подумать страшно, что ты, моя милая София, предпочитаешь ему пустую, давно изжитую аллегория. Вместо живых людей ты созерцаешь кукольные схемы и восторгаешься символическими действиями, далекими от всего, что ежедневно обращается в жизни к нашему состраданию и нашему деятельному участию.

София.

Милая Эстелла, ты просто не желаешь понять, что там может быть подлинно богатая жизнь, где ты видишь лишь вымученную мысль, что могут найтись такие люди, которые назовут бедной твою полную жизни действительность, если она не сообразуется с бытием, из которого возникла. Много в моих словах может показаться тебе резким, но наша дружба требует неприкрашенной откровенности. Подобно многим, ты знаешь дух только как носителя познаний и воспринимаешь лишь мыслительную сторону духа. Ты не желаешь углубляться в живой творческий дух, который созидает людей с такой же стихийной мощью, как творческие силы создают природных существ. И вместе со многими другими называешь и ты самобытным и наивным то искусство, которое этот дух отрицает. Но наше мировоззрение сочетает полную сознательную свободу с силой наивного делания. Мы сознательно принимаем в себя все наивное, не лишая его свежести, полноты и самобытности. Ты думаешь, что можно создавать только мысли о характере человека, но что сам этот характер должен строиться своими собственными силами помимо мысли. Ты **не хочешь** видеть, как мысль погружается в творческий дух и, соприкоснувшись в нем с истинным бытием, выявляется и сама как творческий зачаток духа. Ведь растение **не учится**, как ему расти, но сила семени непосредственно действует в нем, как живое существо; так и наши идеи **не учат**: они изливаются, зажигая и зарождая жизнь.

Благодаря этим идеям жизнь приобрела для меня смысл. Не только мужество подарили они мне, но также **понимание** и **силу**, и эта сила внушает мне надежду из детей моих сделать людей не только работоспособных и жизнеспособных, но и душевно удовлетворенных и спокойных. И чтобы нам не отвлекаться, скажу тебе прямо: я знаю, что те мечты, которые со многими другими людьми разделяешь и ты, только тогда станут действительностью, когда удастся людям то, что называют они действительностью и жизнью, соединить с тем глубоким опытом, который ты так часто называешь мечтами и фантастикой. Может быть, тебе и покажется это странным, но скажу, что многое из того, что ты считаешь истинным искусством, представляется мне бесплодной критикой жизни. Ведь не утоляется голод, не осушаются слезы, не созерцается источник падения, если показывается на подмостках только внешняя сторона жизни: голод, заплаканные лица и опустившиеся люди. То, что показывают обыкновенно, отстоит бесконечно далеко от подлинных глубин жизни и подлинных отношений её существ.

Эстелла.

Когда ты так говоришь, ты не то, что непонятна мне, но ты показываешь только, что все же охотнее **фантазируешь**, чем созерцаешь жизнь. Тут наши пути расходятся. Придется мне на сегодняшний вечер отказаться от общества подруги. Но мне уже пора. Думаю, что наша дружба все же сохранится. Не так ли?

София.

Разумеется, мы останемся друзьями!

(С этими словами София провожает подругу до дверей.)

Занавес.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната в розово-красных тонах. Справа от зрителя дверь, ведущая в зал собраний. Из зала один за другим выходят люди; на некоторое время каждый задерживается в комнате, делясь впечатлениями от только что слышанной в зале речи. Мария и Иоанн входят первыми, потом присоединяются к ним и другие. Речь только что окончена. Последующие беседы являются продолжением тех разговоров, которые велись в зале.

Мария

Мне тяжело замечать, мой друг,
Как ты душой и духом увядаешь.
Бесплодным вижу я прекрасный наш союз,
Которому уж десять лет.
И даже этот миг, столь важный,
Позволивший столь многое услышать
И озаривший светом мрак души,
Он только омрачил тебя.
Не раз я чувствовала сердцем,
Пока учитель говорил,
Как глубоко тебя он ранил
Суровыми словами.

А ведь давно ль душа твоя
Отображала лишь восторг
Пред сущностью земных вещей.
Удерживать ты мог
В прекрасных образах все то,
Что воздух и что свет,
Предметы затопляя
И тайны бытия являя,
Живописуют в миге бысролетном.

Пусть не могла рука твоя
 Запечатлеть всего
 В великолепии красок,
 Что живо так перед душой витало,
 Но обитала все ж у нас в сердцах
 Благая вера,
 Что день придет,
 Когда тебе удастся
 Соединить искусство
 С восторженной душой,
 В явлений глубину излитой.
 И все, что возвещает о бытие
 Духовного исследования свет,
 Тогда блаженством станет,
 Излившись из творений
 Твоих в сердца людские.

Так верили в те дни мы оба.

Грядущий свет в прекрасного зерцале,
 Тобой отображенный, —
 Так мыслила тогда я цель души твоей.

И вот как бы исчезла
 Вся внутренняя мощь твоя,
 И радость творчества угасла,
 И немощна рука,
 Что с юношеской силой
 Водила раньше кистью.

Иоанн Томазий

Увы! То — правда!
 Я чувствую угасшим
 Души бывшее пламя.
 И хмуро я взираю
 На блеск предметов,
 Когда их озаряет солнца свет.
 Бесчувственно гляжу,
 Как воздухом играют
 Изменчивые настроенья.
 Не тянется рука
 Запечатлеть в непреходящем то,
 Что быстролетные стихии,
 Пред чувствами колдуя, вызывают.

Уж не струится
 Мой творческий порыв,
 И безразличие мне застилает жизнь.

Мария

С печалью вижу я,
 Как скорбь тебе приносит то,
 Что дарит мне
 Струю священной высшей жизни.

Друг, в той изменчивой игре,
 Что бытием зовется,
 Сокрыто пребывает высший Дух,
 И каждая душа к нему причастна.
 Себя в духовных знаю силах,
 Глубоких, словно лоно моря,
 И вижу жизнь людскую:
 Как зыбь волны она по водам пробегает.
 Смысл жизни я тогда переживаю,
 К которому стремятся люди,
 В котором вижу я
 Своей природы откровенье.
 Я вижу, что так часто он,
 Запавши в душу человеку,
 В ту высь его возносит,
 Куда стремятся все сердца.
 И лишь во мне одной
 Рождает он недобрый плод,
 Когда касаюсь я
 Других людей душевно.
 Моя судьба и на тебе сказалась.
 Я лишь добра хотела,
 Когда ко мне пришел ты.
 Со мною вместе ты желал,
 Отважно в путь пустившись,
 Возвышенного творчества достигнуть.

И что ж теперь случилось?

Та жизнь, столь чистая, в которой обрела
 Я истинное откровенье,
 Твой умерщвляет дух она!

Иоанн

То — правда!
 Все, что тебя влечет
 К небес высотам светлым,
 Стремит меня,
 Когда с тобою я,
 В бездонный сумрак смерти.
 Когда меня зарею дружбы нашей
 Ты приобщила к откровенью,
 Распространяющему свет во мраке,
 В котором каждую проводят ночь,
 О том не зная, души,
 В котором бродят
 Заблудшиеся люди,
 Когда смысл жизни их земной
 Уносит смерти ночь,
 Когда открыла ты
 Мне истину о перевоплощении,
 Я был способен думать,
 Что дорасти смогу я
 До Духочеловека.
 Не сомневался я,
 Что зоркость творческого ока,
 Уверенность художника в себе,
 Во мне созреет
 От силы твоего огня.
 Когда ж я твоему огню отдался,
 Похитил он
 Согласование всех сил душевных
 И вытравил всю веру в этот мир
 Немилосердно мне из сердца.

И до того дошел я ныне,
 Что уж не знаю даже я,
 Иль верить, или сомневаться
 Мне в откровениях миров духовных.
 И уж не достает мне даже сил
 Ту красоту любить,
 Что Дух в тебе являет.

Мария

За эти годы я узнала,
 О том, что Самодух, во мне живущий,
 Творит противополообраз,
 Когда соприкасаюсь я с людьми.
 Но также вижу я,

Как благотворен этот Дух тогда,
Когда другим путем он в души проникает.

(Входят Филия, Астрид и Луна.)

Дух ищет выраженья в слове,
Но слову власть дана.
Стремит оно к вершинам
Мышление людей
И радость порождает
Там, где печаль ютилась.
Преображать она способна
Непостоянство духа
В достойных чувств серьезность.
И четкость человеку сообщает.
Была захвачена и я
Могучим Духом сим,
Но убеждаюсь,
Что скорбь и разрушение
Приносит он,
Струясь из сердца моего
В сердца других людей.

Филия

Казалось, будто целый хор,

(Входят Капезий и доктор Штрадер.)

Из настроений сложившийся,
Многоголосо раздавался
В кругу, нас тут собравшем.
Хоть много было тут гармоний,
Но слышался порой и диссонанс.

Мария

Когда так много мнений
Внезапно пред душою возникают,
То кажется,
Что человеческий прообраз
Присутствует сокрыто,
Во многих душах расчленись.
Как будто бы единый свет,
Что в радуге, для нас
В многообразье красок предстает.

Капезий

Я изучал
 В своих исканьях многолетних
 С усердием времен бегущих смены.
 Все то в них изучал я,
 Что в духе у людей таилось,
 Учивших о бытия основах
 И людям предуказавших цели.
 Возвышенную силу мысли
 Я оживить в душе своей пытался.
 Я видел тайну всюду
 И думал, что переживаю
 Научную незыблемость суждений,
 Коль скоро возникали
 Вопросы предо мной.
 Но шаткими становятся устои
 Пред всем, что прежде
 И что сегодня здесь услышал
 Я, в изумленье приведенный,
 Про образ мысли, что лелеют здесь.
 И все готово рухнуть,
 Когда я вижу, как могуче
Влияние на жизнь их мыслей.

Потратил я уже так много дней,
 Чтоб в подходящих выразить словах
 Все, что в эпохах я подслушал,
 В словах, что потрясти могли бы сердце.
 И рад бывал я,
 Когда хоть уголочек
 В сердцах у тех, кто слушал речь мою,
 Согреть мне удавалось.
 И я немалого достиг.
 Не жалеюсь на неудачу я.

Но деятельностью моей
 Я приведен к признанью
 Распространенного воззренья,
 Которое встречается
 У практиков житейских:
 Перед действительностью мысль —
 Лишь бледная и немощная тень.
 Хоть оплодотворяет
 Она порою силы жизни,

Но их переработать
Она не в состоянье.
И с изречением смиренным
Согласен я давно:

Где мысли бледные царят,
Там вянет жизнь и все иное,
Что с нею соединено.

И слова зрелого сильнее,
Сильнее мастерства всего,
Окажется всегда
Способностей природных дар
И власть судьбы людской.
И бремя древнего предания,
И темных предрассудков гнет
Всегда сломить способны
Всю силу лучших слов.
Но что я видел здесь,
Меня на размышленья навело.

Там это было бы понятно,
Где сект разгоряченный дух,
Дурача легковерных,
Порабощает их.
Такого духа здесь в помине нет.
Здесь говорить с душою хочет разум.

И все ж слова
Поистине рождают силы к жизни,
Глубины сердца пронизав.
И даже сферу воли
Объемлет Нечто странное;
Для многих, как и я,
Живущих по старинке,
Оно — не более, чем немощная мысль.

Но я уж не способен
Воздействие отвергнуть,
Хоть сам ему
Не в силах я отдаться.
Все говорит со мной здесь так необычайно;
Не то, чтоб мне хотелось
Сей опыт оттолкнуть.
Но мнится мне,

Что эти мысли всех таких, как я,
В себе не терпят.

Доктор Штрадер

Вполне готов я присоединиться,
Мой друг, к словам последним вашим,
И даже склонен подчеркнуть я резче,
Что все воздействие на душу,
Проистекающее от идей,
Определить не позволяет
Их познавательную ценность.
Иль истинно, иль ложно
Мышление у нас —
Вопрос такой решает только
Суд истинной науки.
И отрицать никто не смеет,
Что все, что кажется столь ясным здесь,
Хоть на разгадку высших тайн
И притяжает, никогда
Не сможет устоять перед таким судом.

Хоть обращают к Духу тут слова,
Но лишь сердца влекут к себе они.
Пытаются врата открыть в те царства,
Перед которыми смиренно
Наука трезвая стоит.
Но тот, кто честно служит
Исканиям своим,
Обязан согласиться,
Что не познал никто,
Откуда мысли ключ струится
И где бытия лежат основы.

Хоть правда этих слов и тяжела душе,
Всегда разыскивать готовой,
Что за границами лежит
Познания, но мыслитель принужден,
Вовне ли взгляд свой обратит,
Или вовнутрь его он устремит,
Границы знания нашего признать.

Отвергнув разум свой
И все, что опыт нам дает,
Мы под собой утратим почву.
Не очевидно разве вам,

Как мало можно подчинить
 Условиям таким
 Все, что за откровенье сходит здесь.
 Нетрудно показать,
 Что в нем отсутствует все то,
 Что может мыслям создавать устой
 И достоверность им сулит.
 Пусть это откровенье греет сердце,
 Мыслитель в нем одни мечты усмотрит.

Филия

Так думает лишь тот,
 Кто трезво и рассудочно
 Познание завоевал.
 Когда душа желает верить,
 То ищет иначе она.
 Она к словам прислушиваться будет
 О Духе животворном.
 И все, что раньше смутно ощущала,
 Постичь она захочет.
 Беседовать о неизвестном
 Заманчиво для мысли,
 Не для людского сердца.

Доктор Штрадер

Я ощущаю,
 Как правилен такой упрек,
 Когда в того он метит,
 Кто мысли хитрые сплетает
 И все ответы склонен выводить
 Из собственных случайных предпосылок.

Меня упрек не ранит.

Не потому мышленью я отдался,
 Что побуждаем был извне.
 Нет! Детство я провел
 В семье благочестивой,
 Творя обряды,
 Дурманявшие чувство
 Видениями царств небесных,
 В которых счастье
 Всех легковверных простаков.
 И в отроческом сердце

Не раз испытывал блаженство,
 Душою устремляясь
 К высоким царствам духов.
 Потребность сердца я познал в молитве.
 И был в монастыре воспитан
 На обучение у монахов.

Стать самому монахом
 Моей мечтою было
 И волею моих родных.
 Уж я стоял пред пострижением.
 Случайно из монастыря ушел я,
 Но случай должен я благодарить.

Давно уж тихий мир
 Был отнят от души моей
 Пред тем, как спас меня тот случай.

Столь многому успел я научиться,
 Чему был чужд монашеский устав,
 Естественные я узнал науки
 Из книг, мне запрещенных,
 И с новой ознакомился наукой,
 Хоть разбирался в ней с трудом.
 Блуждал я многими путями
 И не придумал я того,
 В чем истину я усмотрел;
 Нет, вырвал в пламенной борьбе
 Из своего я духа
 И мир, и счастье детства своего.

Понятны мне сердца,
 Стремящиеся ввысь,
 Но раз лишь бред увидел я
 В плодах духовного ученья,
 В исследованиях научных
 Искать я должен твердую основу.

Луна

Пусть понимает всякий на свой лад
 И смысл, и цели жизни нашей.
 Способностью не обладаю я
 Проверить с помощью науки
 Плоды духовного ученья.
 Но в сердце я переживаю,

Что без него душа моя должна увянуть,
Как гибнет тело, если кровь утратит.

Вы, милый доктор, высказали много,
Борясь с ученьем нашим;
И то, что рассказали вы
О битвах вашей жизни,
Вес придает суждениям вашим
В глазах у тех людей,
Которым не понять речей подобных смысла.

Но отчего, скажите,

(Входит Теодора.)

Находит здравый смысл людской
Понятной самое собой
О Духе весть
И к ней относится с участием теплым он,
Но холод сковывает нас,
Когда мы ищем пищи для души
В суждениях, что от вас проистекают?

Теодора

Хоть чувствую себя
Я и прекрасно в круге вашем,
Но все-таки мне чужды речи,
Мной слышанные здесь.

Капезий

Но почему?

Теодора

Сказать я не сумею.
Пусть объяснит Мария.

Мария

Рассказывала нам она не раз,
Как странно жизнь ее сложилась.
Пережила она однажды превращенье.
С тех пор ее не понимают люди
И кажется им всем она совсем чужой.

Но вот вошла она в наш круг.
 Хоть объяснить и не могли мы
 Того, что свойственно лишь ей,
 Но развиваем мы в мышлении своем
 Участье и к вещам необычайным,
 И мы любого человека уважаем.

Был у подруги в жизни
 Один необычайный миг,
 Когда вдруг для нее исчезло
 Все, что принадлежит к земной ее судьбе.
 И все минувшее в душе как бы погасло...

С тех пор, как это с ней произошло,
 Все повторяются такие состоянья,
 Хоть всякий раз лишь краткий длится миг.
 В другие же часы она как все другие.

Лишь в те мгновения она
 Лишается совсем даров воспоминанья.
 Отъемлется у ней и сила зренья.
 Она лишь чувствует среду свою.
 При этом взор ее сверкает.

Своеобразный блеск!

И лицезрит она виденья.
 Они туманны были.
 Теперь они ясны.
 И прорицанием времен грядущих
 Мы их считать склонны.

Бывало это и при нас.

Капезий

Такие вещи
 Всего мне меньше
 Приходятся у вас по вкусу.
 Так разум смешивать склонны
 Вы с суеверием.
 Бывало так везде,
 Где этими путями шли.

Мария

Вы думаете так,
 Но если б знали вы,
 Как на подругу смотрим мы!

Штрадер

Что до меня,
 В том честно признаюсь,
 Предпочитаю я
 Подобное увидеть откровенье.
 Оно мне скажет больше всех учений.
 Хоть и темна
 Загадка столь таинственных видений,
 Но факт принять я буду принужден...
 Но вряд ли ведь возможность есть
 На опыте проверить
 Диковинный духовный дар?

Мария

Явление может повториться.
 И мнится мне,
 Что посетит ее сейчас
 Ее виденье.

Теодора

Мне надо говорить!
 Виденье светлое встает передо мною.
 И из него слова звучат.

В грядущем чувствую себя,
 Еще невоплощенных
 Людей я созерцаю,
 Что видят тот же лик,
 Тому же слову внимлют.
 Звучит оно:

"Досель вы жили верой
 И утешались упованьем.
 Утешьтесь ныне созерцаньем,
 Возрадуйтесь во Мне!
 Доселе жил Я в душах.
 Они Меня в себе
 Чрез вестников Моих
 Искали с благочестьем.

Вы созерцали свет земной
 И только веровали в животворный Дух.
 Но ныне вы стяжали
 Часть ясновидческого дара.
 В себе его переживите".

И возникает
 В лучистом свете человек.
 И молвит он:

"Так возвестить должна ты
 Всем, кто услышать хочет,
 Что ныне зришь
 И что узрят в грядущем люди.

Жил на земле Христос однажды
 И было следствием жизни сей,
 Что Он объял душой Своей
 Людские судьбы.

Соединился Он с духовностью Земли.

Но видеть люди не могли Его
 В той новой форме, в коей Он воскрес,
 Затем, что зрением не обладали
 Им предназначенным в грядущем.

Но близко ныне время,
 Когда очами Духа
 Вновь одарится человек.
 Что видел он телесно
 В земном житии Христа,
 Он сможет созерцать душевно,
 Когда исполнен будет срок ".

(Она уходит.)

Мария

Случается впервые
 Ей при столь многих людях прорицать.
 До сей поры она
 Лишь в узком круге прорицала.

Капезий

Все ж удивительно,
 Что будто бы потребность иль приказ
 Ее влекут к такому прорицанию.

Мария

Казаться может.
 Но нам ее известен склад.
 И если обратился здесь
 Ее духовный голос к душам вашим,
 Другой не вижу я причины,
 Как только ту,
 Что речь ее предназначалась вам.

Капезий

Но нам уже известно,
 Что о грядущем даре,
 Предвозвещенном ею,
 Не раз учил тот человек,
 Который, как сказали мне,
 Душой собрания вашего слывет.
 Быть может, от него
 Исходит смысл ее речей.
 И только форма ей принадлежит?

Мария

Когда б вы были правы,
 Факт потерял бы ценность.
 Но с точностью проверить удалось,
 Что неизвестен был совсем
 Ей наш руководитель,
 Когда в наш круг вошла она.
 Да и из нас в то время
 Никто ее не знал.

Капезий

Так, следовательно, пред фактом мы стоим.
 Но этот факт законам естества
 Противоречит
 И только как болезнь понятен.
 Загадку жизни вправе разрешать
 Лишь здравая людская мысль
 И данность бодрствующих чувств земных.

Штрадер

Но все же перед нами факт.
 Считаю важным я
 Увиденное здесь.
 И мне придется,
 Пусть даже и отвергнув остальное,
 Поверить в передачу мыслей
 Посредством сил душевных.

Астрид

О, если бы на том вы утвердились,
 Чего стремитесь избежать,
 То, как на солнце снег, растаял бы обман,
 Вас заставляющий считать,
 Что чудо иль болезнь лишь весть,
 Услышанная вами здесь.
 Важна, но не диковинка она.
 И как ничтожно это чудо
 Пред тысячью иных чудес,
 Свершающихся всюду.

Капезий

Нет, сравнивать нельзя
 То, что мы всюду видеть можем,
 С тем чудом, что свершилось здесь.

Штрадер

Тогда уместна
 О Духе речь,
 Когда пред нами вещь,
 Не находящаяся в круге,
 Сурово замкнутом
 Наукой нашей.

Астрид

Но в свете солнечном,
 Что в утренней росе блистает,

(Входит Феликс Бальде.)

В ручье, текущем из утеса,
 В громах, грохочущих из туч,
 Звучит один язык духовный.
 И я ему училась.
 От смысла мощной речи сей
 Один лишь слабый отзвук
 Нашла я в изысканьях ваших,
 Но счастье обрела,
 Когда меня наполнили слова,
 Звучащие в духовном знанье
 И в речи человека.

Феликс Бальде

Согласен с вами я!

Мария

Я бесконечно рада
 Приветствовать у нас впервые

(Входит Фелиция Бальде.)

Того, о ком так много знаю.
 Почаще бы я вас
 Встречать у нас хотела.

Феликс Бальде

Я, право, не привык
 С людьми общаться постоянно.
 Да и не то одно.

Фелиция Бальде

Да, уж такой у мужа нрав.
 Он к одиночеству привык.
 И мы из года в год
 Вдвоем все дни свои проводим.
 Когда б порой не заходил
 В наш домик дорогой профессор,
 Забыли б мы,
 Что в мире существуют люди.
 И если б тот,
 Кто в зале говорил сейчас
 И нас прекрасными словами

Так сильно взволновал,
 Порою мужа не встречал
 В его поездках деловых,
 Что знали б вы
 О нас, забытых людях?

Мария

Итак, профессор ходит к вам?

Капезий

Хожу. И должен я сказать,
 Что я Фелиции глубоко благодарен.
 Она дает мне,
 Чего не мог бы дать никто.

Мария

В чем состоит ее даянье?

Капезий

Коснуться надо,
 Заговорив об этом,
 Предмета, больше изумившего меня,
 Чем все, услышанное здесь.
 Так важно это для души!
 В другом бы месте смог я вряд ли
 Переживаньями делиться,
 Но здесь легки признанья.
 Душе моей часы известны,
 Когда пустой становится она.
 И кажется, что творческий источник
 Познаний в ней исчерпан,
 Что не найти мне больше слова,
 Которым был бы вправе
 Я поделиться.

С такою пустотой духовной
 Я к этим добрым людям отправляюсь
 В уединенную их глушь.
 Фелиция повествует мне
 В виденьях сказочных
 О существах, живущих в снах и грезах
 И в пестром царстве сказок

Ведущих жизнь свою.
И тон ее речей подобен
Сказаниям времен давно минувших.

Не спрашиваю я, откуда сказка,
Но ясно я зато переживаю,
Как снова в душу приливает жизнь,
И стряхиваю я
Тяжелый сон души моей.

Мария

Сколь согласованно
Фелиции искусство
С таинственным ключом
Познаний сокровенных
Ее супруга, о котором столько
Рассказывал учитель!

Феликс Бальде

Кто говорил сейчас,

(Появляется Бенедикт.)

Как будто во вселенских
Пространствах вечных дух его витает,
Тому причины нет
Так обо мне распространяться.

Бенедикт

Неправда, друг.
Я высоко ценю любое слово ваше.

Феликс Бальде

То было шуткой,
Когда порою
Вы мне оказывали честь,
Со мной прогуливаясь горною тропою.
Лишь оттого, что скрыли
Вы знания свои,
Я говорить решался.
Однако, уж пора!

Нам предстоит далекий путь
В родную нашу глушь.

Фелиция Бальде

Мне было так отратно
Опять увидеться с людьми!
Не скоро явимся мы вновь.
Другой не терпит жизни Феликс.
Он любит только горы.

(Феликс и Фелиция Бальде уходят.)

Бенедикт

Фелиция права.
Нескоро он сюда вернется.
Непросто было
Зазвать его сегодня.
И все-таки не в нем
Тому причина,
Что неизвестен он.

Капезий

Он мне казался чужаком.
Порою он бывал и разговорчив
В присутствии моем,
Но темными казались мне его чудные речи,
В которых он раскрыть пытался,
Что знать он притязал
О солнечных созданиях,
В земных камнях живущих,
О лунных бесах,
Что их деянья разрушают,
И о растений чувстве числом.
Послушавши его, навряд ли
Уразумеете речей его значенье.

Бенедикт

Но чувству ясно,
Что чрез его слова природа хочет
Правдиво выявить загадок скрытых сущность.

(Бенедикт уходит.)

Штрадер

Я чувствую, что дни боренья
В моей наступят скоро жизни.
С тех самых пор,
Как в монастырской тишине
Пришлось узнать о той науке мне,
Которой в сердце я так страшно ранен был,
Ничто меня не трогало столь сильно,
Как случай с ясновидящей...

Капезий

Что вас так сильно потрясло,
Понять я не могу.
Коль твердости лишитесь вы,
То вскоре будет мир для вас
Сомнениями застлан.

Штрадер

Страх пред таким сомнением
Томил меня нередко.
Хотя и чужд
Я ясновиденья даров,
Но в час, когда меня загадки жизни мучат,
Вдруг призраком встает из темных недр духовных
Перед духовными очами страшный образ сна,
И тяжело на душу ложится
И, в сердце мне впиваясь, говорит:
"Коль не сразишь
Меня мышления мечом тупым,
Не больше ты,
Чем образ призрачный обманности своей!"

Феодосий

(уже раньше вошедший)

У всех людей такая участь,
Хотящих мыслью мир объять.
Но есть у нас внутри духовный голос,
Хоть сил не достает сорвать покровы тайны,
Что расстилаются пред нами.
Лишь те предметы может мысль познать,

Которым суждено прейти.
 Что вечно и духовно,
 Мы лишь в самих себе найти способны.

Штрадер

Кто ищет благочестия,
 Чтоб успокоить душу,
 Тот удовлетворится
 Исканием подобным.
 Но так не возрастет
 Познания подлинного плод.

Феодосий

Однако нет пути иного,
 Который мог бы заменить духовное познание.
 Нас гордость соблазняет:
 Души переживанья
 Она в фантомы превращает,
 Виденья вызывая
 Там, где лишь вера жить должна.
 И из всего, что здесь
 Как откровенье царств высоких
 Нам привелось услышать,
 Одно усвоит здравый смысл людской:
 В духовном лишь краю
 Душа на родине своей.

Другая Мария

Пока лишь к разговорам
 Стремится человек,
 Довольствуется он такою речью.
 Но в жизни подлинной с ее исканьем,
 С ее тоской по счастью и страданьем,
 Другую нужно пищу
 Людским доставить душам.

Влеченью сердца покорясь,
 Остаток жизни,
 Мне уделенный, я
 Тем людям посвятила,
 Которых рок земной
 Поверг в несчастье и нужду.
 Еще же чаще, чем мученья

Больных людей, мне приходилось
 Смягчать души страданья.
 И я так часто ощущала
 Всю немощь нашей воли,
 И снова я тогда
 Из тех богатств черпала,
 Что нам духовный ключ струит.
 И слова теплого волшебство —
 Что я прияла, —
 Оно, бальзамом становясь,
 В страдающие души
 Из рук моих струилось.
 И с губ моих оно слетало,
 Даруя утешенье
 Сердцам разбереженным.

Не вопрошаю об истоке слов,
 Но лицезрю их правду:
 Они живут и жизнь даруют.
 И ясно вижу каждый день,
 Что силу им дает
 Не немощь своеволия моего,
 Но что меня они созиждут сами.

Капезий

Но ведь немало же людей
 И без такого откровенья
 Добро творить способны!

Мария

В них недостатка,
 Конечно, в этом мире нет.
 Но смысл иной в ее признаньях.
 И жизнь ее узнавши,
 Измените вы мнение.

Когда в нас много сил
 Неизрасходованных,
 Легко в хорошем сердце
 Любовь в избытке всходит.
 Но силы жизни все она
 Давно, перегруженная трудами, исчерпала,
 А мужество житейское похитил
 У ней удар судьбы,

Ее постигший.
 Она все силы истощила
 Заботами о детях,
 А мужество угасло,
 Когда супруга смерть
 Безвременно взяла.
 Казалось бы, она остаток дней своих
 Устало провлачить должна.

Но привела ее судьба
 На духоведенья пути.
 И вот, все силы жизни
 В ней снова расцвели вторично,
 И с новой целью вновь
 Вернулось мужество ее.
 Так нового в ней человека
 Из мертвого зерна воздвигнул Дух вторично.

Когда способен Дух такую мощь являть,
 То действия его должны
 Нас убедить вполне.

И если гордость не царит в словах
 И нравственная цель в сердцах у нас
 воистину живет
 И нам не позволяет думать,
 Что создано ученье нами,
 Что только в нас
 Дух внутренне себя являет,
 То разрешается тогда
 Нам про мышление ваше утверждать,
 Что в нем одни лишь тени
 От настоящего бытия,
 Тогда как дух, живущий в нас,
 С тем внутренне себя связует,
 Что в глубине житейской
 Людская тклет судьба.

С тех пор, как посвятила я
 Живому делу нашему все силы,
 Сердец израненных и душ
 Тоскующих увидела я больше,
 Чем думаете вы.

Ценю высоких ваших идей полет
 И гордую уверенность познаний,

Люблю, когда студенты ваши
 Почтительно внимают вам.
 Да, из творений ваших
 Течет для многих душ
 Возвышенная ясность мысли.
 Но мнится, что уверенность
 Присуща мысли вашей,
 Пока в себе она живет.
 Мое ж мировоззренье
 Плоды учений насаждает
 В действительности недрах,
 Дабы вошли они корнями
 В действительности глубь.

Чужда, наверно, мысли вашей
 Небесная та книга,
 Где в знаках говорится
 Нам о побеге новом
 На древе жизни.
 Уверенной и ясной
 Научная казаться может мысль.
 Но лишь кору она питает
 И никогда
 До сердцевины не дойдет.

Роман

Моста не нахожу я,
 Который вел бы
 От мыслей к подлинному делу.

Капезий

Та сторона мышленья силу
 Склонна преувеличить.
 А вы? Действительностью вы
 Чрезмерно увлеклись.
 Заложены в идеях семена
 Всех человеческих деяний.

Роман

Лишь потому она и совершает
 Так много добрых дел,
 Что доброе в ней сердце.

Конечно, человеку надо,
 Уставши от земных трудов,
 Восстановленья сил искать в идеях.
 Но только воспитанье воли
 Совместно с мастерством земным
 Дух человечества ведет
 Вперед в его развитие.

Когда колеса
 В ушах моих жужжат,
 Когда людей довольных руки
 Рычаг сжимают,
 Я ощущаю силы жизни.

Герман

В том легкомысленно я признавался,
 Что обожаю шутки
 И в них лишь мудрость вижу.
 Ведь для мозгов моих они
 Дают прекрасный матерьял,
 Чтоб заполнять досуги
 Меж удовольствиями и трудами.

Я этот взгляд теперь преодолел.

Был побежден незримою я силой,
 Почувствовать сумел я
 То, что сильнее в человеке,
 Чем домик карточный острот.

Капезий

Но неужели только тут могли
 Вы силу Духа отыскать?

Герман

Хоть жизнь моя порой
 Плоды духовные дарила,
 Но избегал
 Срывать плоды я эти.
 Лишь здешних мыслей строй
 Меня к себе привлек,
 Хоть я и тут не делал ничего.

Капезий

Мы провели прекрасные часы.
Хозяйке дома мы признательны за них!

(Все уходят. Остаются только Мария и Иоанн.)

Иоанн

Еще немного ты со мной побудь!
О, как мне страшно, как мне страшно!

Мария

Но что с тобой?

Иоанн

Учителя беседа,
И вслед за тем признанья прочих.
Был потрясен до самых я костей.

Мария

Ужели эти речи
Тебя так захватили?

Иоанн

В тот миг мне показалось,
Что сказанное здесь —
Ужасный символ
Ничтожности моей!

Мария

Конечно, очень важно
В столь краткий миг увидеть пред собой
Так много битв житейских,
В которых столько душ
Перекликаются друг с другом.
Но жизнь, какую мы ведем,
Особенность имеет
Дух человека пробуждать к признаниям.

Что совершается в течение многих лет,
Здесь явлено в часах немногих.

Иоанн

Отображение полной жизни,
Мне показавшее меня,
Высоких духов откровенье
Меня почувствовать учило,
Что лишь частицу человека
Являет часто тот,
Кто мнит, что целостен в себе.

Чтоб всесторонность человека
В себе самом вместить,
Отважно я на путь
Указанный вступил.

Меня в ничто он превратил.

Известно мне,
Чего в них нет.
Но мне не менее известно,
Что жизнь они имеют,
А я в небытии стою.

Я видел целостные судьбы
Раскрытыми в речах коротких предо мною,
И образы судьбы моей
В душе моей воскресли.

Живописалось детство
С его восторженным избытком.
И юность я увидел вновь
С надеждой гордою,
Сыновними дарами
Сердцам родительским внушенной.
Мечтанья об искусстве,
Которыми в те дни я окрылялся,
Укором вдруг восстали
Из духа глубины.

И вновь воскресли сны,
В которых при тебе
Я в краски претворял и в формы
Жизнь духа твоего.

И я увидел пламя.
 В нем юного художника надежды
 Вдруг превратились в прах.
 И из ужасной пустоты
 Явился призрак мне.

То было существо,
 Связавшее судьбу свою
 В былые дни с судьбой моею.
 Она хотела
 Меня привлечь, когда я
 На родину свою
 На похороны матери вернулся.
 Но я порвал.
 С такою силой был
 С твоим я кругом связан
 И с высшей целью,
 К которой здесь стремятся.

И с самой той поры не знал я угрызений,
 Хоть и порвал я нить,
 Ее связующую с жизнью.
 И весть, дошедшую ко мне
 О том, как жизнь в ней увядала,
 Угасши, наконец,
 Бесчувственно я принял.

Но вот заговорил в том зале
 Учитель наш о том,
 Как погубить мы можем
 Стремлением превратным
 Судьбу людей, любовью
 Себя связавших с нами.
 И в отзвуке ужасном
 Из этого виденья
 Со всех сторон слова вдруг загремели.

О, как ужасен отзвук был:
 "Ты, ты — ее убийца!"

Так речь учителя, даруя
 Всем остальным возможность
 Самопознания,
 Во мне должна была создать
 Сознание вины.

Она мне показала,
Как заблуждался я.

Мария

С мгновенья этого, мой друг,
Тыходишь в царство мрака,
Пусть тот тебе теперь поможет,
Кому мы доверяем здесь.

(Елена возвращается. Марию отзывают.)

Елена (Иоанну)

Еще немного мне
Побыть хотелось бы с тобой.
В течение недель
Так сумрачен твой взор.
Как может свет,
Сияя нам,
Наполнить мраком душу,
Что с силою такой
За истиной идет?

Иоанн

Тебе же этот свет
Лишь радость дал?

Елена

Да, радость, и не только ту,
Что знала раньше я,
Но также радость,
Цветущую в словах,
В которых Дух
Себя являет.

Иоанн

И все ж тебе скажу,
Что может и губить
То, что творит.

Елена

Так, следовательно, обман
 Тебе проникнул в душу,
 Раз говоришь так,
 И раз заботы
 Наместо радости,
 И раз одни печали,
 А не блаженство
 Из истины ключей струятся.

Ищи тогда ошибок,
 Преграды создающих.

Так часто мы слыхали,
 Что лишь здоровье — учений наших плод,
 Что расцветать в них жизнь должна.
 Так как же ты в себе обратное находишь?
 Их благотворность уж на многих,
 Кого я знаю, проявилась.
 Все больше кажется чужим
 Им прежний образ жизни,
 И новые ключи питают сердце,
 Жизнь обновляя в нем.
 Кто зрит бытия основы,
 Не ведает страстей,
 Людей томить способных.

(Она уходит.)

Иоанн

Что наши чувства лживы,
 Пока духовная наука
 Себя не свяжет с ними, —
 Понадобились годы,
 Чтоб в этом убедиться.
 Но то, что в существе твоём
 И слово высшей правды — только ложь,
 Мне показал единый миг.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Сельский пейзаж. Скалы, ручьи. Вся обстановка в душе Иоанна Томазия. Все последующее как содержание его медитации.

Из ручьев и скал звучат слова:
"О человек, познай себя!"

Иоанн

Так в продолжение многих лет
 Словам суровым внемлю.
 Они и в воздухе и в водах,
 Из недр земли возносятся они.
 И как в ничтожном желуде огромный дуб
 Для глаз таинственно сокрыт,
 Так в силе этих слов
 Содержится все то,
 Что о природе элементов,
 О душах и о духах,
 О времени и вечности
 Мышленьем я постичь могу.
 И я, и весь огромный мир
 Таимся в слове этом:
 О человек, познай себя!

Из ручьев и скал звучат слова:
"О человек, познай себя!"

И вот внутри
 Все стало ужасающе живым.
 Меня объемлет сумрак.
 Во мне зияет темнота.
 Из мирового мрака,
 Из тьмы душевной мне звучит:
 О человек, познай себя!

Из ручьев и скал звучат слова:
"О человек, познай себя!"

И уж похищен я.
 Меняюсь в смене я часов дневных
 И ночью становлюсь.
 По мировым путям вослед земле несусь,
 Раскатываюсь в громе
 И в молниях сверкаю.
 Я есмь! Но ускользаю
 Уж я от самого себя.
 Свою я оболочку вижу.
 Мне чуждая, вовне парит она,

Все дальше от меня.
 Другая предо мною плоть.
 Ее я говорю устами:
 "Мне скорбь он горькую принес.
 Вполне я вверилась ему.
 Покинул он меня в беде
 И жизнь он у меня похитил,
 И в землю хладную толкнул!"
 Так той, кого я бросил,
 Сам только что я был.
 Я должен скорбь ее сносить.
 Познание силу мне дало
 В другое "Я" переноситься.
 О, ужас слов!
 От вашей силы гаснет свет.
 О человек, познай себя!

Из ручьев и скал звучат слова:
"О человек, познай себя!"

В предел, мне уделенный,
 Меня ты снова возвращаешь.
 Но как себя я вновь узнаю.
 Уж больше я не человек.
 Я диким змием становлюсь,
 Алчбою порожденным.
 И ясно сознаю,
 Что лишь обманности туман
 Ужасный образ мой
 До сей поры от глаз моих скрывал.
 Меня поглотит собственная дикость.
 Огнем, несущим разрушение,
 То слово в жилах у меня струится,
 В котором я познал
 Земных и солнечных созданий откровенье.
 Оно биется в пульсе.
 Оно стучится в сердце.
 И в собственном мышлении нахожу
 Чужих миров алчбу и похоть злую.
 Так вот он, плод познания!
 О человек, познай себя!

Из ручьев и скал звучат слова:
"О человек, познай себя!"

Кто там из бездны тёмной
 Вперяется в меня?
 Я вижу путы,
 Меня связавшие с тобой!
 Так прочно не был Прометей
 Прикован на скале кавказской,
 Как я прикован здесь к тебе!
 Кто ты, ужасное создание?

Из ручьев и скал звучат слова:
"О человек, познай себя!"

Я узнаю тебя! Это — я сам!
 Познанием скован я с тобой,
Погибельная тварь!

(Входит Мария, вначале незамеченная Иоанном.)

Я сам — **погибельная тварь.**
 Я убежать хотел.
 Но был я ослеплен мирами,
 Когда в безумии бежал,
 Чтоб от тебя свободным стать.
 И вот в душе слепой уж ослеплен я снова.
 О человек, познай себя!

Из ручьев и скал звучат слова:
"О человек, познай себя!"

Иоанн (как бы придя в себя, замечает Марию. Медитация превращается во внутреннюю реальность)

О друг мой, ты со мной!

Мария

Тебя искала я,
 Хоть знаю хорошо,
 Что к одиночеству
 Стремись ты с тех пор, как мненьями
 Стольких людей отравлен.
 И знаю я,
 Что я тебе присутствием своим
 Не в силах в этот миг помочь.
 Но смутная потребность
 Все ж и теперь меня к тебе влечет,

Раз вместо света только скорбь одну
Смог Бенедикт
Из духа твоего исторгнуть.

Иоанн

О одиночество!
Его так часто я искал,
Дабы себя найти в нем,
Когда меня в мышленья лабиринт
Людская скорбь и счастье загоняли.
О друг мой! Это все прошло,
Все, что учителя слова
Мне из души исторгли
И что в людских воззрениях
Пережить пришлось мне!
Ничтожно это все
В сравненье с бурей той,
Что в одиночестве моем глухом
Меня настигла.

О одиночество!
Меня в мирах оно травило.
Я сам себя утратил в нем.
В душе, которой скорбь я причинил,
Я должен был очнуться
И должен выстрадать я был
Мной учиненный грех.

О злое одиночество!
Мне вновь оно меня вернуло
Лишь с тем, чтоб утратить
Во мне разъявшеюся бездной!
Последнего из всех прибежищ,
Я одиночества лишился!

Мария

О правде я тебе напомню.
Лишь Бенедикт тебе поможет,
И нужную опору
Лишь от него обрести мы оба сможем.

Так знай же, что не вынести и мне
Моих судеб загадки сложной,

Коль не поможет он
Ее мне разрешить.

Я знаю хорошо, что ложь и заблужденье
Бытие нам застилают,
Доколе мысли наши по поверхности скользят.
Над этим я так часто размышляла.
Всегда ответом было:
Познать тебе свою ошибку надлежит,
Раз правильным считаешь ты,
Что лишь дурной взрастает плод
Там, где стремишься в людях ты возжечь
В тебе живущий свет.
И знаю лучшей частию души своей,
Что и тяжелый гнет,
Тобой, мой друг,
Испытанный от близости со мною, —
Лишь часть тернистого пути,
Что к свету истины ведет.
Ты должен пережить все страхи,
Что порождаются обманом
Пред тем, чтоб истину найти. Так говорит
Звезда твоя.

Но также возвещается звездою,
Что мы должны идти вдвоем путем духовным.
Когда же путь найти хочу,
То сразу же глаза мне застилает ночь.
И эта ночь еще того мрачней,
Когда изжить должна
Я плод своей природы.
Но ясности искать мы оба в свете будем.
Хоть он для глаз невидим,
Но все ж неугасим.

Иоанн

Мария, знаешь разве ты,
В каком сейчас душа моя боренье!
Нелегкий же удел,
Высокий друг, тебе достался.

Но все ж не ведаешь ты грозной силы той,
Которой разможен я был.
Ты возноситься к высшей правде можешь,
Уверенные взоры

В людской поток кидая.
 Как в свете, так и в темноте
 Собой ты будешь.
 Тогда как в состоянье миг любой
 Меня похитить.

Еще недавно я с людьми сливался
 И в мненьях человеческих терялся.
 И в монастырь сопровождал я одного,
 И слушал я в душе другого
 Фелиции сказки.
 Так был я всеми.
 Но для себя я мертв.
 Я должен был бы верить,
 Что вещи создает ничто,
 Когда б хотел иметь надежду,
 Что я из ничего
 Стать человеком в силах.

Из страха я гоним во мрак,
 Из мрака в страх ввергаюсь я.
 Так вот премудрость слов:
 О человек, познай себя!

*Из ручьев и скал звучат слова:
 "О человек, познай себя!"*

Занавес.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Комната для медитаций. Бенедикт, Иоанн, Мария и ребенок.

Мария

Пришла с ребенком я.
 Нуждается он в слове вашем.

Бенедикт

Дитя, ко мне теперь,
 По вечерам ходить ты будешь
 За изречением,
 Что жить в тебе должно
 Пред тем, как в царство душ

ты перейдешь во сне.
Ты хочешь ли?

Ребенок

Да, я хочу!

Бенедикт

Ты душу этим вечером заполни,
Покуда не заснешь,
Могуществом сих слов:
"Я силой света буду
В храм Духа вознесен".

Мария

Раз участь этого ребенка
Отныне взяли вы
Под свой отеческий надзор,
То дайте же и мне совет:
Ведь мать ему я заменяю,
Хоть связана не кровно
Его судьба с моею.

Вы указали, как
Воспитывать ребенка
Со дня того, как я его нашла
За дверью, матерью безвестной
Подброшенного мне.
И чудо сотворили
Те указанья, по которым
Его воспитывать я стала.
И обнаружили все силы,
Дремавшие в душе его и теле,
Мне подтвердив, что указанья
Из царств проистекают,
Где был души его приют
Пред тем, как на земле он воплотился.
И человеческие расцвели надежды,
Сияя ярче с каждым новым днем.

Вы знаете, как нелегко мне было
Стяжать любовь ребенка;
Хоть рос он под моим уходом,
Но лишь простой привычкой

Он был сперва соединен со мною.
 Он ощущал лишь смутно,
 Что нужное давала я ему,
 Как для души, так и для тела.
 Но наступило время,
 Когда возникла в детском сердце
 К приемной матери любовь.

Ту перемену внешний повод вызвал:
 Явилась ясновидящая к нам.
 Он привязался к ней,
 И много красоты
 В ее плену волшебном он нашел.
 И вот случилось так, что вдохновенье
 Подругу нашу странную объяло
 И наш ребенок увидал,
 Как взор ее сверкал.
 И юная душа его
 От страха содрогнулась.

Тогда он прибежал ко мне
 И с этих самых пор
 Стал предан мне с горячею любовью.
 Но осознание чувства,
 Влекущего его ко мне
 Не только как инстинкт,
 И сердце детское в нем греющее живо,
 Когда мой взор с любовью он ловил,
 Лишило вашу мудрость благотворности своей,
 И многое увяло,
 Что в нем уж созревало.

Так на ребенке вновь я убедилась
 В том, что на друге страшно так открылось.
 Все больше я кажусь себе загадкой,
 И трепетный вопрос отвергнуть ты не вправе:
 О, почему обоим я
 Гублю, когда стремлюсь любя
 По указаниям Духа
 Им дать все то, что сердце
 Считает подлинно хорошим?

Ты часто повторял возвышенную правду,
 Что на поверхности царят лишь заблужденья,
 Но ясности я жажду,

Дабы перенести судьбу,
Творящую так много зла.

Бенедикт

Так возникает в этом круге
Из многих нитей узел,
Который стягивает Карма.
Мой друг, твои страдания
К тому узлу судеб причастны,
Которым труд богов с людскою жизнью связан.

Когда я на стезе душевной
Достигнуть смог такой ступени,
Что удостоен был
Служить советами своими в сферах Духа,
Раз Божество ко мне явилось,
Готовившееся на землю низойти
С тем, чтобы в теле человека поселиться,
Как требует людская карма
Эпохи современной.

Тогда лишь в мире шаг большой
Возможен, если боги
Связуются с людской судьбой.
Духовные развиваться могут очи,
Что прорезаются в душе у человека,
Тогда лишь, если вложит Бог
В людские души Сам зерно Свое.

И мне поставили задачу:
Найти того, кто в душу
Достоин был бы Божие зерно
И воспринять, и возлелеять.
Так должен был я небо обручить
С судьбою человека.

Искал я. Око Духа
Нашло тебя.

Уж подготовлена к посредничеству ты судьбою.
За много жизней ты себе приобрела
Отзывчивость на все большое,
Что обитает в сердце.
Всю добродетель сердца, всю красоту земную
В наследье нежная душа

От Духа получила.
 И все, что "Я" твое
 Из вечности в земную жизнь
 Внесло, уж с юных лет
 В душе твоей созрело.

Не торопилась ты
 Взойти на кручи Духа
 И не влекла тебя
 Духовная страна,
 Пока не изжила
 Ты радостей земли невинных.
 Ты уж тогда душой любовь и гнев познала,
 Когда мышленью твоему был неизвестен Дух.
 И в наслажденье красотой природы,
 В занятиях искусством
 Богатства жизни ты тогда искала.
 Умела ты смеяться,
 Как дети лишь смеются,
 Которые не знают
 О тенях бытия.
 Людскому счастью и скорбям
 Ты и тогда уже внимала,
 Когда не приходило и на ум
 Спросить о сущности страдания и счастья.

Как плод созревший многих жизней
 В земную жизнь душа вступает,
 Настроенная так.
 И детская ее невинность —
 Лишь цвет ее, не корень.
 Избрать я мог такую только душу
 В посредники тому,
 Кто, богом будучи, стремился
 Творить среди людей.

Теперь пойми же, что должна ты
 Противообразы рождать,
 Как только ты с людьми соприкоснешься;
 Дух, что живет в тебе, лелеет
 Все то, что вечности служа,
 В душе у человека созревает,
 Но он за то в нем убивает
 Все, что в душе как преходящее живет...

Однако, эти жертвы
 Как бы бессмертия посев;
 Лишь то восходит к высшей жизни,
 Что смертью низшего возрастет.

Мария

Так вот моя судьба!.....

Ты дал мне свет,
 Но свет, который взор мой ослепил.

Ты отнял "Я" мое!

Так, значит, мне посредницей лишь быть
 Без собственного лика?

Нет, не хочу я дольше
 Лишь формой быть,
 Под маской истину скрывать!

Иоанн

О друг мой, что с тобой!
 Свет взора твоего угас.
 Окаменела ты.
 Дай руку мне свою!
 Она мертва!
 Она как лед!..

Бенедикт

Ты много, сын мой, испытаний вынес.
 Но в этот час стоишь перед труднейшим.

Ты видишь оболочку друга,
 Но для моих очей
 Парит Мария в сферах Духа.

Иоанн

Шевелятся ее уста.
 Смотри!.....

Мария

Ты дал мне ясность,
 Но ясность, что со всех сторон
 Меня объемлет мраком.
 Ее я проклинаяю,
 А с нею и тебя!
 Меня ты сделал
 Орудьем чар недобрых,
 Чтобы обманывать людей.
 Я ни мгновения до сей поры
 В духовности твоей не сомневалась.
 Но мне довольно мига одного,
 Чтоб веру всякую мне вытравить из сердца.
 Я вижу, что исчадья адовы они,
 Те духи, коим предан ты душою.
 Меня ты одурачил,
 Чтоб людям я лгала,
 Но убегу туда я,
 Куда твой голос не дойдет.
 И все ж оттуда я
 Проклятием тебя достать сумею.
 Моей ты крови пламя
 Похитил у меня
 И богу ложному ты отдал
 Всю кровь мою.
 О пламя этой крови!
 Ты в нем погибнешь!
 Чтоб мне поверить
 В обман и ложь,
 Преобразил меня ты
 В несуществующий фантом,
 В обманный призрак.
 Я чувствовала часто,
 Как дух мой становился
 Противобразом в других.
 Так превращу
 Мою любовь к тебе
 Я в ненависти злой огонь.
 Во всех мирах я стану
 Разыскивать то пламя,
 В котором ты сгоришь!

Будь про..... Ах.....

Иоанн

О, кто здесь говорит?
 Не вижу друга я!
 Страшилище я вижу!

Бенедикт

В выси душа ее витает.
 Ее лишь оболочка
 Осталась тут, перед тобой.

Где покидает дух
 Земную плоть свою,
 Туда спешат
 Противоборцы сил благих,
 И видимы для нас становятся они,
 Овладевая оболочкой,
 Чтоб в ней себя явить.
 И здесь такой противоборец
 Разрушить хочет мне все то,
 К чему стремлюсь
 Для счастья очень многих,
 И для тебя, мой сын.
 И если бы проклятья эти,
 Что в оболочке, ею брошенной, гремят,
 Я б искушеньем счесть не мог,
 Ты быть со мной не смел бы.
 На стороне моей стоял противоборец,
 И ты, мой сын,
 Увидел ввергнутым во тьму
 Все то, что в существе любимом
 От преходящего бытия.

Ввиду того, что Дух
 Из уст ее так часто
 Беседовал с тобой,
 Был принужден ты кармой мировой
 Услышать из нее
 И князя ада.

И лишь теперь ты вправе
 Ее воистину постигнуть.
 Становится она прообразом твоим.
 Стремись же вознестись к нему.
 Душа ее восходит к тем высотам Духа,
 Где самообоснованную форму
 Свою находят люди.

За ней последуй в сферы Духа
И в Храме Солнечном ее увидишь.

Так ныне здесь
Создался узел
Из тех незримых нитей,
Что карма ткёт
В миров свершение.
Раз до сих пор держался ты, мой сын,
Проникнешь ты и дальше.
Твою звезду я в полном блеске вижу.

Нет места в чувственном бытие
Для битв, в которых бьются люди,
Что посвященья ищут.
Все то, что в мире чувств земных
Загадочно рассудку,
Все то, что миром создается в сердце,
Любви ли или ненависти плод,
Сколь бы ужасным ни казался нам,
Для духоведа лишь арена.
Он должен в Духе безучастно
Извне события созерцать.
Должны в нем развиваться силы,
Которых на житейском поле нет.
Чрез испытания души пробиться
Под силу лишь тому,
Кто подготовлен
Для встречи с существами,
Живущими в мирах духовных.

И не был бы ты признан ими
Созревшим для духовного пути,
Тогда б всех чувств они тебя лишили,
Уж прежде, чем открылось
Тебе все то, что ныне знаешь.

Те существа, что в недра мировые
Глядеться могут,
Возводят человека
Сперва на ту вершину,
Где явственно для них,
Имеет ли он силы
Чтоб Дух извечный созерцать.
И тех лишь, у кого такие силы есть,

Из чувственного мира выпускают,
 Всем прочим ждать придется.

Ты сохранил себя, мой сын,
 И в этих горних потрясениях,
 Когда ты был заполнен
 Духовным страхом.
 Боролось и тогда отважно "Я" твое,
 Когда в груди сомненья бушевали.
 И в бездну темную втянуть тебя грозили.

Ты — ученик мой верный
 С того значительного часа,
 Когда в себе ты усомнился,
 Себя потерянным считал,
 И все ж в себе самом держаться мог.
 Я дал тебе от мудрости сокровищ,
 И с ними силу
 В себе держаться.
 Хотя в себя ты сам не верил,
 Была та мудрость,
 Что приобрел ты,
 Надежнее, чем веры
 Житейский дар.

И вот ты зрелым признан
 И можешь быть допущен.

Вперед прошла твоя подруга.

Ее отыщешь в Духе.
 Я укажу лишь направление.

Итак, возжги всю мощь души твоей
 Словами, что из уст моих
 Дают тебе ключи к высотам.
 Они тебя проводят
 И там, где все земное
 Глазам твоим уж недоступно будет,
 Их воспринять возжаждай ты всем сердцем:

**"Сияет света творческая сущность
 В пространствах далях,
 Бытьем наполняя мир.**

Любви благословенье греет
Времён течение,
Со всех миров сзывая откровенья.

Посланцы духа обручают
Живую сущность света
С душевным откровеньем.

И, коль соединиться с ними
Способен человек,
Он оживёт в высотах духа".

О Духи, вы, которых люди зрят!
Вы оживите душу сына!
Внутри его да воссияет
И душу озарит
Духовный животворный свет!
Внутри раздаться слову дайте,
Чтоб пробудить его
К блаженству Духобытия!

(Голоса духов за сценой)

Его возносятся мысли
К основам мира.
Что как тени мыслил он,
Что как схемы изживал,
Уносится из мира форм.
От их избытка
Людские мысли
Теньями грезят.
От их избытка
Людские взоры
Лишь схемы видят.

Занавес.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Ландшафт, выражающий своеобразием своих форм душевный мир. Сперва появляются Люцифер и Ариман; в стороне — Иоанн, погруженный в медитацию, в которой он и переживает все последующее.

Люцифер

О человек, познай себя!

Почувствуй, человек, меня!

Водительство духов
 Дерзнул ты свергнуть.
 Бежал в земли
 Привольные владенья.
 Искал в земных скитаньях
 Свою ты сущность.
 Твоей наградой
 Стал жребий твой,
 Твой рок земной:
 Обрел себя
 Ты и меня.

Хотели духи
 Тебе закрыть повязкой очи.
 Но я сорвал повязку.

Хотели духи
 В тебе творить свою лишь волю.
 Я дал тебе свободу.

О человек, познай себя!

Почувствуй, человек, меня!

Ариман

О человек, познай меня!

Почувствуй, человек, себя!

Из тьмы духовной
 Дерзнул ты вырваться,
 Земли сиянье
 Ты отыскал.
 Испей же силу правды,
 Испей из прочности
 Моей: она — надежна.
 Хотели духи
 Похитить красоту земную,
 Что я в сгущенном свете
 Тебе творю.

Веду тебя
Я к сути истинной.

О человек, познай меня!

Почувствуй, человек, себя!

Люцифер

Во всех столетьях
Меня переживал ты.
Тебе сопутствовал я всюду.
Тебя исполнил я
Себяволением,
Самобытьем.

Ариман

Во всех столетьях
Ты созерцал мой облик
Своими плотскими очами
Во всех земных явлениях.
И я блистал тебе
В красотах гордых,
В восторгах откровения.

Иоанн (в медитации к самому себе)

Об этих знаках Бенедикт мне говорил.
Две силы эти перед миром душ стоят.
Одна живет внутри как искунитель,
Другая взор, вовне
На мир глядящий, ослепляет.
Мне женщиной представилась одна.
Души обманность мне она явила.
Во всех вещах вторая пребывает.

(Появляется Дух Элементов с Капезием и Штрадером, выводя их из недр земли на её поверхность. Только их души созерцают эту земную поверхность.)

Дух Элементов

На том вы ныне месте,
Где так хотели быть.
Мне исполнение вашей воли
Заботу причинило.

Метались в бурях диких
 Стихии и земные духи,
 Как только в их пределы
 Вступил я вместе с вами.
 Противодействовали вы
 Здесь царствующим силам.

Капезий (помолодевший)

Таинственный вожатый,
 О, кто ты,
 Ты, что сквозь царства духа
 Нас в этот край прекрасный ввел?

Дух Элементов

Я душам открываюсь
 Не раньше, чем мои
 Окончатся услуги.
 Но все же мне подвластны
 Они во все столетья.

Капезий

Не слишком склонен я
 О духе вопрошать,
 Что нас сюда привел,
 Но чувствую, что жизнь моя
 Согрелась в этом новом царстве,
 И свет мне расширяет грудь.
 Я чувствую, как целый мир
 В моем стучится пульсе.
 Предчувствие высших достижений
 Мое волнует сердце.
 В слова облечь хочу я
 Царств здешних откровенье,
 Которым услажден.
 И пусть людские души
 Красною расцветут,
 Когда я в жизни им открою
 То вдохновенье,
 Что здесь течет ручьями.

(Из глубин и с вершин молния и гром.)

Штрадер

С чего трясутся недра?
 С чего грохочут выси?
 Не лучшие ль надежды
 Цветут, благоухая, в юном сердце?

Дух Элементов

Звучат столь гордо
 Для вас, мечтатели, сии слова,
 Но вызывает эхо
 Мышления обман
 Из бездны мировой.

Оно тогда вам внятно,
 Когда вы сходитесь со мной.

Вы мните правде
 Прекрасные построить храмы,
 Но плод работы вашей
 Разнуздывает бури
 В глубинах мира.
 Должны миры разрушить духи,
 Чтоб временным деяньем
 Вы в вечность не внесли
 Погибели и смерти.

Штрадер

Так, значит, перед жизнью вечной
 Сплошной обман
 Все, в чем для нас
 Исканий лучших правда?

(Гром и молния.)

Дух Элементов

Сплошной обман,
 Пока ревнует ум
 В краю, где Духа нет.

Штрадер

Мечтательной ты вправе
 Назвать младую душу друга,

Что с благороднейшим огнем
 Рисует цель свою.
 В моем же старом сердце
 Слова твои мертвы,
 Хоть помогают
 И гром, и буря им.
 Я для научных изысканий
 Покинул монастырь
 И в продолжение многих лет
 С житейской бурей бился.
 И верят все
 Тому, что говорю
 Я, истину любя.

(Гром и молния.)

Дух Элементов

И все ж признать ты должен,
 Что не познал никто,
 Откуда мысли ключ струится
 И где лежат бытия основы.

Штрадер

Опять, опять я слышу слово,
 Которое в молодые годы
 Мне из души моей
 Так часто раздавалось,
 Когда во мне устои
 Мышленья колебались!..

(Молния и гром.)

Дух Элементов

Коль не сразишь
 Меня мышления мечом тупым,
 Не больше ты,
 Чем образ призрачный
 Обманности своей.

Штрадер

Опять те страшные слова!
 Ведь некогда и их

Внутри себя я слышал
 Пред ясновидящей,
 Которая разрушить мне мышление
 И злых сомнений жалом
 Пронзить мне собиралась сердце.

Но это ведь прошло.

Я поборюсь с тобой,
 О ты, старик, обманчивый свой облик
 Являющий мне ныне в маске
 Властителя природы!
 Тебя мой разум одолеет
 Иначе, чем ты мнишь.
 Коль в человеке он
 На гордые вознесся выси,
 Природе он не подчинен.
 Он не слуга ее, а господин.

(Молния и гром.)

Дух Элементов

Однако мир устроен так,
 Что требует в нем труд
 Услуг взаимных.
 За то, что дал я вам сознание,
 Должны вы заплатить.

Капезий

В вещей духовное зеркало
 Свою я душу превращу.
 Когда природа идеалом
 В людских становится деяньях,
 Награждена она
 Правдивым отблеском своим.
 И если сам ты
 В родстве, старик,
 С Праматерью Великой
 И изошел из недр,
 Где власти мира правят,
 То дай моей ты воле,
 Живущей высшей целью
 В груди и голове,
 Наградой быть тебе.

От смутных чувств я ею
 Был поднят к гордому мышленью.

(Молния и гром.)

Дух Элементов

Могли вы видеть,
 Как мало значит в царстве этом
 Ваш гордый вызов.
 Он порождает вихрь
 И вызывает у стихий
 К порядку всякому вражду.

Капезий

Тогда ищи себе
 Награды там, где хочешь.
 Должны души людской влечения
 И меру, и порядок
 Творить в духовных высях сами.
 А как творить нам,
 Коль творчества плоды
 Другие отнимают?
 И разве птицы песнь
 Награды не несет
 В себе самой?
 Так награжден и человек,
 Когда, творя,
 Блаженство ощущает он.

(Молния и гром.)

Дух Элементов

Не вправе вы
 Мне отказать в награде.
 А если заплатить не в силах,
 Скажите той,
 Которая в вас силу создала,
 Чтоб долг за вас вернула.

(Исчезает.)

Капезий

Исчез...
 Куда же обратимся мы?
 Задачей нашей будет
 Здесь, в этом новом мире,
 Себя не потерять.

Штрадер

Вступить с доверьем
 На лучшую дорогу
 Из всех, что встретим,
 И осторожность помнить
 Да будет целью нашей.

Капезий

Не лучше ль будет
 Не говорить о цели?
 Она найдется,
 Когда мы отдадимся
 Влеченью собственных сердец.
 Мне ж сердце говорит:
 Ведом ты будешь правдой.
 Свои развивши силы,
 Их благородно воплощай
 Во всем, что создаешь,
 И праведной ты цели
 Достигнешь, несомненно.

Штрадер

Нет, с первых же шагов
 Не следует лишаться
 Сознания правой цели,
 Коль счастье и пользу
 Хотим нести мы людям.
 Кто хочет лишь себе служить,
 Пусть сердца слушается тот.
 Кто хочет и другим помочь,
 Тот знать обязан,
 Что нужно для его бытия.

(Появляется, как душевная форма, Другая Мария.)

Но что за странное созданье.
 Как будто из самой

Скалы оно возникло.
Из недр каких миров
Могло оно родиться?

Другая Мария

Я сквозь утесы пробиваюсь
И камня собственную волю
В слова облечь пытаюсь.
Я чую существа земли,
И я хочу земли мышление
В умах людских промыслить.
Вдыхая чистый воздух жизни,
Его в людское чувство
Преобразую я.

Штрадер

Тогда нам не поможешь.
Все, что в природе жить должно,
То человеку чуждо.

Капезий

Люблю я речь твою, жена.
На собственный язык желаю
Перевести ее я.

Другая Мария

Мне так диковинно от вашей гордой речи.
Что говорите вы,
Того мне не уразуметь.
Но отзвучать даю я раньше
В душе своей реченьям вашим,
И лишь тогда они, на все предметы
Вокруг распространяясь,
Загадку разъясняют.

Капезий

Коль говоришь ты правду,
Переведи
Вопрос об истинном житейском благе
Нам на язык свой,
Дабы ответ дала природа,

Раз сами неспособны мы
Так вопрошать Великую Праматерь,
Чтоб слышала она.

Другая Мария

Но я ведь только младшая сестра
Высокого создания,
Живущего в стране,
Откуда вы пришли.
Оно сюда меня прислало,
Чтоб я уму людскому
Его являла отблеск.

Капезий

Из тех мы, значит, царств ушли,
Где утолить могли бы жажду?

Другая Мария

Коль не найдете вы
Назад дороги,
Вам не созреть вовек.

Капезий

Каков же верный путь, скажи!

Другая Мария

Два есть туда пути.
Когда вершин своих я достигаю,
Все существа из царства моего
Сияют красотою.
Тогда блистает свет
В камнях и водах,
И красок преизбыток
Вокруг меня расплескан.
И всех созданий радость
Звучаньем воздух наполняет.
Коль отдадитесь всей душой
Восторгам моего бытия,
На крыльях Духа воспарите
К миров первоистоку.

Штрадер

Путь этот не для нас.
 Мечтательностью мы его зовем.
 Мы на земле хотим остаться,
 Не в облачных парить высотах.

Другая Мария

Пойти решившись
 Путем вторым,
 Преодолейте
 Сперва ваш гордый дух.
 И позабудьте разум свой.
 Взлелейте понимание природы.
 В груди мужской царить позвольте
 Младенческой душе,
 Нетронутой еще
 Иллюзией мышления.
 И вы тогда придете
 В неведеньи к истокам жизни.

(Другая Мария исчезает.)

Капезий

Так, значит, мы
 Должны искать дорогу сами
 И выучились лишь,
 Что надо нам трудиться
 И ожидать спокойно и с терпением
 Плодов своих деяний.

Иоанн (в медитации; он сидит в стороне и в действии не участвует)

Так в царстве душ я нахожу
 Уж ранее известных мне людей.

Того, кто о Фелиции сказках говорил,
 Я увидал таким,
 Каким он в молодости был.

А тот, кто в юности своей
 Монахом стать хотел,
 Он мне явился стариком.

При них я видел Духа Элементов.

Занавес.